

Проще умереть, чем пошевелить пальцем.

Уоллес Стегнер

ЛЕТО 1977 30 ИЮЛЯ

Рич

Рич забрал из почтового ящика Ларка скопившуюся за неделю почту и свернул с Ил-роуд, проскочив по грязной двухколейной дороге мимо пары туалетов. Боковые панели «Форда» царапали колючки. Папоротники высотой с человеческий рост терлись об окна. Дорога настолько заросла, что Рич едва смог прочесть надпись на знаке.

**ПРОЕДЬ СКВОЗЬ СЕКВОЙЮ!
НАСТОЯЩИЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК!
ЧИСТЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТУАЛЕТ!**

Двухколейная дорога заканчивалась на поляне Ларка, откуда открывался вид на реку. Рич остановился рядом с древним «Интернешнл», брошенным перед хижинкой. Трава проросла сквозь изъеденный ржавчиной капот грузовика. Старый бор, копошившийся в сорняках за пристройкой, не поднял головы, но две ленивые дворняги Ларка потянулись и подобрались поближе, как только Рич открыл дверь.

— Банджо! Киллер! — крикнул Ларк с крыльца, на перилах которого были развешаны резные фигурки снежного человека. На улице было всего десять градусов, а Ларк был в грязной майке,

седой, бородатый, с растрепанными волосами до плеч. Рядом высилась пирамида, сложенная из рулонов туалетной бумаги, занимавшая свое почетное место на припаркованном неподалеку инвалидном кресле. Его Ларк использовал в качестве тачки.

Рич забрал алюминиевую форму из фольги, шесть упаковок газировки «Таб» и вылез наружу. Ларк откинулся на спинку кресла для художественной резки.

— Что, уже суббота?

— Как продвигается дерьmobизнес? — поинтересовался Рич, поднимаясь по ступенькам.

— Как обычно. — Ларк соскреб щепку с куска выуженной из реки коряги, где виднелась лохматая голова снежного человека. Казалось, дерево прибило к берегу с уже заточенными внутри снежными людьми, и все, что оставалось Ларку — это срезать лишнюю стружку с легкостью человека, одним долгим движением снимающего кожуру с апельсина. — Вчера здесь была девушка с такой круглой задницей, что мне захотелось откусить кусочек.

Ларк мотнул подбородком в сторону домика — единственного на много миль туалета в этой части леса, словно туристка все еще могла находиться внутри. На стуле рядом с ним лежала двадцатистовая пачка туалетной бумаги, которой хватало, чтобы наполнить корзину под жестяной банкой, куда туристы опускали свои монетки. Целые туалетные рулоны люди постоянно выбрасывали в яму или пытались украсть, но никто не проявлял особого интереса к отдельным пачкам бумаги.

На плече Ларка сидела его ручная белка-летяга. Он нашел ее еще маленьким бельчонком, выпавшим из дупла. Тогда она повредила себе бедро, так что теперь они с Ларком отлично подходили друг другу. Ларк обвел ногой полукруг, расчищая себе место среди древесных стружек, повернул статую и потер ее большим пальцем, ощупывая выточенные из дерева мускулы. Его собственная челюсть была впалой.

Рич оглядел перевернутый ящик, на котором горой лежали инструменты и пустые банки из-под «Таба» — от зубов Ларка

давно уже ничего не осталось, и покрутил на ладони теплую жестянку.

— Это мой обед? — спросил Ларк.

— Еще горячий.

— Положи в холодильник, — он мотнул головой в сторону двери, которую всегда держали открытой независимо от погоды.

Рич нырнул внутрь хижины. Ларк построил её сам еще в те времена, когда мужчины были меньше. На кухне помещались только раковина, двухконфорочная плита да несколько кухонных шкафчиков, на которые Ларк так и не удосужился повесить дверцы. Да и на кой черт? Так бы их пришлось открывать, чтобы что-нибудь найти.

— Который час? — спросил Ларк с крыльца.

— Шесть? — Рич посмотрел на серое небо через окно. — Шесть тридцать.

На кухонной стойке стояли пустые банки из-под свинины с бобами. Рич открыл ящик со льдом — жестянка с тунцовой запеканкой Марши, от которой остался один только сморщенный квадратик, бутылка соуса для барбекю.

— Ну, ты идешь? — поинтересовался Рич, подходя обратно к двери.

— А пойдём посмотрим, что там готовит Кел. — Ларк взял свои трости: первая была вырезана в форме пилы — обычный подарок «Сандерсона» на пенсию. Другую — деревянную винтовку — он сделал сам.

— Хочешь спуститься в «Единственную»? — спросил Рич.

— А что, в этом городе есть другое место, где можно получить горячую еду?

— Ты не собираешься сначала надеть рубашку?

Ларк доковылял до комода, открыл верхний ящик, наклонил плечо так, чтобы белка прыгнула внутрь, и захлопнул его. Останься она одна, на нее бы напали собаки.

— Это твои, — пропыхтел Ларк, натягивая старую рабочую рубашку и кивая на гору зубочисток, лежащих на кухонном

столе. Зубочистки были ровными и остро заточенными, точно из магазина.

— Благодарю. — Рич запихнул зубочистки в передний карман рубашки. Он бросил жевательный табак в тот же день, когда встретил Коллин. Сунул в рот зубочистку девять лет назад — и все.

Ларк начал медленно спускаться с крыльца.

— С каких это пор тебе хочется сходить в «Единственную»? — спросил Рич, когда они сели в машину. Ларк шумно пытался отдышаться. Иногда он выезжал на шоссе, чтобы проверить свои дорожные знаки — «ПРОЕДЬ ЧЕРЕЗ СЕКВОЙЮ! ДОМ ВНУТРИ ДЕРЕВА!» — и подновить их, если они в том нуждались, но кроме этого Рич не мог припомнить, чтобы Ларк куда-то выбирался.

— А с каких это пор ты задаешь так много вопросов? — огрызнулся Ларк. Он прищурился, глядя на реку. Двое мужчин из племени юрок правили скользящей по воде лодкой. — Рыбу ищут.

— Рановато еще для лосося, — заметил Рич, сдавая назад, чтобы развернуть машину. Ларк пожал плечами:

— Они на этой реке уже тысячу лет рыбачат. Это у них в крови.

Пикап затрясся, вписываясь в изгибы Ил-роуд, извивающейся, словно рыба, в честь которой ее и назвали. Крутые склоны ущелья обвивали лианы дикого виноградника; ольхи и клены теснились вокруг древних пней, таких больших, что на них можно было припарковать пикап. Они въехали на усыпанную гравием полупустую стоянку. Кроме пикапа Кэла там стояла еще только одна машина: темно-оранжевый «Шевроле», который Рич раньше не видел. С бампера стекали капли дождя, смывая грязь с облупленных наклеек.

«Поцелуй мой топор».

«Не переживай, сначала я это дерево обнял».

«Мой босс не шлюха,

хотя под ним тоже трудятся потные мужики».

Вывеска перед входом — «Единственная и неповторимая таверна» — выцвела от дождя. Над входом свежей белой крас-

кой была нарисована линия, отмечающая наивысший уровень воды — и заодно демонстрирующая реке, насколько ей нужно разлиться, чтобы хоть кого-нибудь впечатлить.

Рич придержал дверь, и Ларк прохромал внутрь и осмотрел зал с таким видом, словно в нем было полно народу. Затем он двинулся к барной стойке и взгромоздился на стул рядом с пожилым мужчиной — тот смотрел бейсбольный матч, сидя перед пустой грязной тарелкой.

— Корни, — кратко приветствовал его мужчина. Только настоящие старожилы — те, кто работал с Ларком во времена его юности, — так его звали.

— Джим. — Ларк был знаком с каждым старым лесорубом на сотню миль вокруг, и к каждому знал подход. — Рич Гундерсен — Джим Мюллер.

— Ты сын Хэнка? — спросил Джим Мюллер. У него были коротко подстриженные седые волосы, а на голове виднелся старый шрам.

Рич кивнул и сел на стул рядом с Ларком. Джим Мюллер сузил глаза и окинул Рича взглядом, словно пытаясь отыскать сходство.

— Хэнк умел карабкаться на деревья как никто другой. Словно мартышка. Чертовски жаль, что с ним такое случилось.

Джим прочистил горло и взглянул на Ларка. Отец Рича был лучшим другом Ларка, и даже сейчас, спустя сорок пять лет после его смерти, он все еще не оправился до конца.

— Рич живет на Лысом холме, в старом доме Хэнка и Гретчен, — произнес он.

— Это над Трамплинной скалой? — спросил Джим Мюллер.

Из дверей кухни появился Кел.

— Тебя кто из дома выпустил? — сострил он, вытирая руки об фартук.

— Раз в десять лет можно и на прогулку выйти, — усмехнулся Ларк. — А что у тебя с волосами?

Кел провел ладонью по до блеска выбритой голове, словно успел забыть о своей лысине.

— Мне котлету с кровью, — заказал Ларк. — И чтобы в этот раз поменьше гребаного лука.

Кел посмотрел на Рича, и тот пожал плечами.

— Один бургер, — объявил Кел, налил им кофе и вернулся обратно к своему грилю.

Ларк повернулся к Джиму Мюллеру.

— Слышал, ты собираешься продать сороковушку-другую.

Ларк редко покидал пределы собственного двора, но удивительным образом все про всех знал: кто продавал землю, чей грузовик забрали коллекторы, а кто отсидел шесть месяцев плюс получил штраф за браконьерство в национальном парке.

— Может, и так. — Джим Мюллер подозрительно покосился на Рича.

— О нем не беспокойся, — сказал Ларк. — Даже некоторые скалы разговорчивее, чем он.

— Хейзел мне скоро всю кровь выпьет, — сознался Джим Мюллер, переводя взгляд обратно на экран телевизора.

— И сколько же ты будешь продавать? — поинтересовался Ларк.

— Восемнадцать сороковушек.

— Восемнадцать? — поперхнулся Ларк и отставил чашку с кофе в сторону.

— Семьсот двадцать акров. — Джим Мюллер поскреб щеку, не отрывая глаз от игры. — Участок 24-7 — весь тот хребет за владениями Хэнка.

Сердце Рича пропустило удар. Он ходил по Хребту 24-7 каждый день своей сознательной жизни. Его прадедушка мечтал купить этот участок, и мечта эта передавалась из поколения в поколение, пока тяжелым грузом не опустилась на плечи Рича.

— Там неплохая древесина водится. — Ларк отпил кофе. — Если удастся до нее добраться, конечно.

— «Сандерсон» прокладывает просеки по соседству, с восточной стороны. Собирается начать вырубку в Проклятой роще, — проговорил Джим Мюллер. — Считай, красную ковровую дорожку нам расстелил.

Ларк посмотрел на Рича.

— Планы по вырубке наконец-то согласовали, — подтвердил тот.

— Вся эта новомодная экологическая чушь — просто дополнительная бумажная волокита, — проворчал Джим Мюллер. — Ты же знаешь, что им придется расчистить путь к ручью. В нижней половине участка все большие секвойи растут на дне ущелья. А оттуда до подножия Хребта 24–7 доплунуть можно.

— Из 24–7 много хороших досок выйдет, — задумчиво произнес Ларк. Рич ощутил на себе его взгляд.

— Там древесины можно на миллион баксов продать, не меньше. — Лицо Джима Мюллера передернулось от отвращения. — Я пятьдесят лет ждал, пока «Сандерсон» займется Проклятой рощей, чтобы я мог получить свое. Все твержу Хейзел: «Подожди немного. Еще пара месяцев, и «Сандерсон» расчистит нам путь». А эта стерва говорит, что ей надоело ждать. Хочет получить свои алименты здесь и сейчас.

— Вся эта древесина и гроша ломаного не стоит, если ее оттуда никак не достать, — напомнил Ларк.

— Да, работенка предстоит непростая, — согласился Джим Мюллер, — но как только появятся просеки и путь сквозь нижнюю часть Проклятой рощи расчистится, на моем участке целое состояние можно будет сделать.

— Мерл не хочет его купить? — спросил Ларк.

— Мерл — шкура продажная. — Джим Мюллер рыгнул. — Большие шишки разрешили ему оставить свой «Кадиллак», чтобы он мог и дальше ручкаться со своими приятелями из лесного хозяйства, но все решения сейчас принимает корпорация. Думаешь, этим сволочам из Сан-Франциско есть до нас дело? Они эту землю досуха выжмут. Срубят все деревья, затем пустят с молотка все, что не приколочено, запрут двери и выбросят ключ. Видел, как они продавали наши грузовики? Чуть ли не гребаную гаражную распродажу устроили.

Рич потягивал кофе, пытаясь успокоить колотящееся в груди сердце. Перед его мысленным взором предстало знаменитое дерево 24–7. Настоящий гигант, свое имя оно получило еще давно, когда в ширину действительно было двадцать четыре фута семь дюймов, а сейчас выросло и того больше.

Высотой дерево превышало триста семьдесят футов и возвышалось над остальными старыми секвойями, росшими на верхушке Хребта 24–7. На протяжении последних тридцати пяти лет Рич каждое утро обходил дерево кругом, пытаясь сообразить, как бы сподручнее его повалить. Это была не более чем фантазия, мечта, которая преследовала его отца, а до этого — его деда. «Когда-нибудь», — сказал как-то отец Ричу. Тогда он был еще мальчишкой, а потому поверил, что так и будет — несмотря на то, что поколения Гундерсенов до него умерли, так и не воплотив семейную мечту в жизнь.

— А парк твой участок купить не хочет? — продолжал спрашивать Джима Ларк. — Они вроде хотели расширяться?

Джим Мюллер резко выдохнул через нос.

— Здесь, наверху? Ты вообще видел, какие там просеки? Как будто все взрывом разнесло. — Он покачал головой. — Для туристов такое зрелище не подходит. Если они соберутся расширяться, то купят землю к югу, в районе Хвойного ручья. Окрут Гумбольдт за этот парк костями ляжет. Но хоть здесь, в Дель-Норте, у нас еще есть шанс побороться. — Джим Мюллер втянул в легкие воздух. — Я продам землю за четыреста.

— Четыреста тысяч долларов? — уточнил Ларк. У Рича упало сердце. — Рич всю жизнь деньги копил, — продолжил Ларк. — Еще пять-шесть поколений — и ему как раз хватит.

Он отклонился назад, чтобы освободить место на барной стойке — Кел как раз принес его бургер.

— Древесина стоит в десять раз больше, — сухо произнес Джим Мюллер.

Ларк поднял верхнюю булочку и соскреб с котлеты лук.

— Только надо еще выложить кругленькую сумму за аренду оборудования, плюс рабочие, плюс заплатить владельцу какого-нибудь мощного грузовика, чтобы он отвез дерево на лесопилку, — подсчитал Ларк, запихивая в рот бургер. Из-под булочки торчали лист салата, ломтики помидора и соленые огурчики.

Джим Мюллер пожал плечами:

— Чтобы что-то заработать, нужно сначала потратиться.

Рич потягивал кофе, пытаясь сосредоточиться на игре и не обращать внимания на назойливые мысли об открывшейся ему возможности. Нет, это было невыполнимо — не за такую цену. Ему никогда бы не одобрили заем такого размера. На экране отбивающийся провел прямой удар в левый край поля. Ларк доел свой обед, подобрал трости и в спешке встал.

— Чертов салат прямо насквозь прошел, — пробурчал он, ковыляя в сторону туалета.

Игра прервалась на рекламную паузу.

— Ты что, подрался? — спросил Джим Мюллер, глядя на разбитые костяшки Рича.

— Не. — Рич согнул и разогнул ноющий кулак. — Это я на работе.

— Ты тоже по деревьям лазаешь? — Рич кивнул. — Ну, рост у тебя подходящий. Тебе сколько лет?

— Пятьдесят три.

— Господи боже. Я думал, все лесорубы до пятидесяти помирают.

— У меня в запасе еще осталось несколько жизней, — ответил Рич. Джим Мюллер понимающе покачал головой. Он прекрасно знал, что это за работа: помнил, как жалит древесная кора, как рана набухает кровью, а потом приходит боль.

— Хэнк вечно ввязывался в драки, когда был пацаном. Он был тем еще мелким поганцем. — Джим Мюллер усмехнулся. — А вот с тобой, готов поспорить, мало кто хотел связываться.

Рич повертел в руках кружку. Сколько раз он сидел вечерами во «Вдоводеле» — давно, еще до Коллин, до боли сжимая челюсти, потому что какой-то придурок принимался его задирать? Есть такой определенный тип парней, которые, напившись, ищут самого высокого мужчину, чтобы затеять с ним драку. И в любом баре, в любой комнате этим мужчиной всегда был Рич. Ровно сто девяносто девять сантиметров в носках, двести три — в замызганных рабочих ботинках. Низкорослые парни доставали его больше прочих. Должно быть, в эти моменты в них говорило то же безрассудство, которое

и привело их на лесозаготовку. Как будто то, что ты валишь самые высокие деревья на земле, как-то компенсирует то, что у тебя самый маленький член на Северном побережье. Рич, конечно, защищался, но никогда не позволял себе ударить другого в приступе гнева. И отца он помнил не настолько хорошо, чтобы представить его дерущимся.

— Хэнк клялся, что однажды выкупит у меня 24-7, — сказал Джим Мюллер. — Но умер молодым. — Он надолго замолчал, а затем накорябал на картонной подставке для пива телефонный номер и подвинул ее поближе к Ричу. — Я возьму две с половиной. Больше такой цены никому не предложу.

— Я подумаю об этом, — кивнул Рич. На сберегательном счету у него лежали двадцать пять тысяч долларов, которые он отложил на строительство дома к рождению еще одного ребенка. Но ребенка у них не будет — не после того, как тяжело Коллин перенесла потерю последнего.

— Адвокат Хейзел крепко ухватил меня за яйца. Участок нужно продать быстро, иначе этот сукин сын наложит лапу на мое соцобеспечение, — мрачно сказал Джим Мюллер. — Гребаные уроды.

— Ты готов? — Ларк вернулся назад и оперся локтем о барную стойку — Рич вечно забывал, какой Ларк на самом деле маленький, — и вытащил из бумажника несколько баксов. — Хватит? — спросил он Кела.

Тот кивнул.

— Увидимся в 1987-м.

— Если ты до него доживешь, лысик. Не налегай так на лук. — Ларк протянул на прощание руку. — Джим.

Они пожали руки, Джим Мюллер кивнул Ричу на прощание, и они ушли.

— Ну, что думаешь? — спросил Ларк, когда они вернулись в машину.

— О чем?

— Неплохо будет побыть самому себе боссом, а?

Рич пожал плечами. Четверть миллиона баксов.